

Содержание

От редактора 9

Дмитрий Набоков. Предисловие

Перевод А. Бабикова 17

Рассказы, написанные по-русски (1920–1940)

Нежить 27

Слово 30

Удар крыла 34

Звуки 54

Боги 65

Говорят по-русски 73

Мсть 82

Благость 89

Порт 94

Случайность 101

Картофельный эльф 110

Пасхальный дождь 130

Катастрофа 136

Гроза 143

Наташа 147

Венецианка 158

Бахман 185

Дракон 194

Рождество 200

Письмо в Россию 206

Драка 210

Возвращение Чорба	216
Путеводитель по Берлину	224
Бритва	230
Сказка	234
Ужас	246
Пассажир	252
Звонок	258
Подлец	268
Рождественский рассказ	292
Пильграм	298
Обида	311
Занятой человек	320
Terra Incognita	330
Уста к устам	338
Встреча	350
Лебеда	358
Музыка	365
Хват	371
Совершенство	380
Адмиралтейская игла	390
Королек	400
Круг	410
Оповещение	420
Памяти Л. И. Шигаева	426
Красавица	433
Тяжелый дым	438
Набор	443
Случай из жизни	448
Весна в Фиальте	455
Облако, озеро, башня	473
Истребление тиранов	481
Посещение музея	504
Лик	514
Василий Шишков	535

Рассказы, написанные по-английски (1943–1951)

Перевод Г. Барабтарло

<i>Предуведомление переводчика</i>	543
Ассистент режиссера	545
«Что как-то раз в Алеппо...»	563
Забытый поэт	574
Быль и убыль	587
Жанровая картина, 1945 г.	595
Знаки и знамения	609
Двуглавая невидаль. Сцены из жизни сросшихся близнецов	616
Сестры Вэйн	625
Ланс	643

Приложение

Картофельный эльф (текст первой публикации)	657
Иван Верных	674
<Человек остановился>	675
Три формы времени (<i>перевод А. Бабикова</i>) ...	679
Литературные пародии:	
1. Зуд	681
2. Покупка сардинки нэпманом	682

Комментарии

Примечания Дмитрия Набокова	
<i>Перевод А. Бабикова</i>	685

Дополнение

Библиографическая заметка В. Набокова	
к сборнику «Набокова дюжина» (1958)	705
Предисловие В. Набокова	
к сборнику «Красавица» (1973)	706
Предисловие В. Набокова	
к сборнику «Истребление тиранов» (1975) ..	706
Предисловие В. Набокова	
к сборнику «Подробности заката» (1976)	
<i>Перевод А. Бабикова</i>	707
Комментарии редактора	709

Рассказы,
написанные
по-русски
(1920–1940)

Нежить

Я задумчиво пером обводил круглую, дрожащую тень чернильницы. В дальней комнате пробили часы, а мне, мечтателю, померещилось, что кто-то стучится в дверь — сперва тихонько, потом все громче; стукнул двенадцать раз подряд и выжидательно замер.

— Да, я здесь; войдите...

Ручка дверная застенчиво скрипнула, склонилось пламя слезящейся свечи, и он бочком вынырнул из прямоугольника мрака — согнутый, серый, запорошенный пылью ночи, морозной и звездистой...

Знал я лицо его — ах, давно знал! Правый глаз был еще в тени, левый пугливо глядел на меня, продолговатый, дымчато-зеленый; и зрачок рдел, как точка ржавчины... А этот мшисто-серый клок на виске да бледно-серебристая, едва приметная бровь, — а смешная морщинка у безусого рта, — как это все дразнило, бередило смутно память мою! Я встал, — он шагнул вперед.

Худое пальтишко застегнуто было как-то не так — по-женски; в руке он держал шапку, — нет, темный, неладный узелок, — шапки-то не было вовсе...

Да, конечно, я знал его — даже, пожалуй, любил, — только вот никак придумать не мог, где и когда мы встречались, а, верно, встречались мы часто, иначе я не запомнил бы так твердо вон этих бруснично-красных губ, заостренных ушей, кадыка забавного...

С приветливым бормотаньем я пожал его легкую, холодную руку, тронул спинку дряхлого кресла. Он сел, как ворона на пень, и заговорил торопливо:

— Так жутко на улицах. Я и зашел. Зашел проведать тебя. Узнаешь? Мы ведь с тобой, бывало, что ни день резвились вместе, аукались... Там — на родине... Неужто забыл?

Голос его словно ослепил меня, в глазах запестрело, голова закружилась; я вспомнил счастье, гулкое, безмерное, невозвратное счастье...

Нет, не может быть! Я — один... Это все лишь бред прихотливый! Но рядом со мной и вправду кто-то сидел — костлявый, нелепый, в ушастьях немецких сапожках, и голос его звенел, шелестел, золотой, сочно-зеленый, знакомый, — а слова были все такие простые, людские...

— Ну вот — вспомнил... Да, я — прежний Леший, задорная нежить... А вот и мне пришлось бежать...

Он вздохнул глубоко, и почудились мне вновь — тучи шатуние, высокие волны листвы, блестящие бересты, что брызги пены, да вечный, сладостный гул... Он нагнулся ко мне, мягко заглянул в глаза:

— Помнишь лес наш, ель черную, березу белую? Вырубили... Жаль было мне нестерпимо; вижу, березки хрустят, валятся, — а чем помогу? В болото загнали меня, плакал я, выл, выпью бухал, — да скоком, скоком в ближний бор.

Тосковал я там; все отхлипать не мог... Только стал привыкать — глядь, бора и нет, — одно сизое гарево. Опять пришлось побродяжить. Подыскал я себе лесок — хороший лесок был — частый, темный, свежий, — а все как-то не то... Бывало, от зари до зари играл я, свистал неистово, бил в ладоши, прохожих пугал... Сам помнишь: заплутался ты однажды в глуши моей — ты и белое платице, — а я тропинки в узел связывал, стволы кружил, мигал сквозь листву, — всю ночь проморочил... Но я так только, шутки ради, даром что чернили меня... А тут я присмирел; не веселое было новоселье... Днем и ночью вокруг все трещало что-то. Сперва я думал — свой брат, леший, там тешится; окликнул, прислушался. Трещит себе, громыхает, — нет, не по-нашему выходит. Раз, под вечер, выскочил я на прогалину — вижу, лежат люди — кто на спине, кто на брюхе. Ну, думаю, поразбужу их, расшевелю! Стал я ветвями встряхивать, шишками лукаться, шуршать, гукать... Битый час провозился — все ни к чему. А как ближе взглянул, так и обмер. У того голова на одной красной ниточке висит, у того вместо живота — ворох толстых червей... Не вытерпел я. Завыл, подпрыгнул и давай бежать...

Долго я скитался по лесам разным, а все житья нет. То тишь, пустыня, скука смертная, то жуть такая, что лучше и не вспоминать! Наконец решился: в мужичка перекинулся, в бродягу с ко-

томкой, да и ушел совсем: прощай, Русь! Ну а там мне братец мой, Водяной, пособил. Тоже, бедняга, спасался. Все дивился он: времена, говорит, какие настали, — просто беда. И то сказать; он хоть и встарь баловался, людей там заманивал (уж очень был гостеприимен), да зато как лелеял, как ласкал их у себя на золотом дне, какими песнями чаровал! А нынче, говорит, все только мертвецы плывут, гроздьями плывут, видимо-невидимо, а влага речная что руда, густая, теплая, липкая; дышать нечем... Он меня и взял с собой. Сам-то в дальнем море мыкается, а меня на туманный бережок по пути посадил — иди, брат, найди себе кустик. Ничего я не нашел и попал сюда, в этот чужой, страшный, каменный город... Вот и стал я человеком, воротнички, сапожки, все как следует — даже научился говорить по-ихнему...

Он приуמוлок. Глаза его блестели, как мокрые листья, руки скрещены были, и в зыбком отблеске заплывшей свечи странно мерцали бледные волосы, налево зачесанные.

— Я знаю, ты тоже тоскуешь, — снова зазвенел яркий голос, — но твоя тоска, по сравнению с моею буйной, ветровою тоской, — лишь ровное дыханье спящего. И подумай только: никого из племени нашего на Руси не осталось. Одни туманом взвились, другие разбрелись по миру. Родные реки печальны, ничья резвая рука не расплескивает лунных заблестков, сиротеют, молчат случайно не скошенные колокольчики — прежние голубые гусли легкого Полевого, соперника моего. Косматый, ласковый Постен покинул, плача, твой опозоренный, оплеванный дом, и зачали рощи, умирительно-светлые, волшебнo-мрачные рощи...

А ведь мы вдохновенье твое, Русь, непостижимая твоя красота, вековое очарованье... И все мы ушли, изгнанные безумным землемером.

Друг, я скоро умру, скажи мне что-нибудь, скажи, что любишь меня, бездомного призрака, подсядь ближе, дай руку...

Зашипев, погасла свеча. Холодные пальцы коснулись ладони моей, грустный, знакомый смех прозвенел и умолк.

Когда я свет зажег, уж никого в кресле не было... никого... Только в комнате чудесно-тонко пахло березой да влажным мхом...

Слово

Унесенный из дольной ночи вдохновенным ветром сновиденья, я стоял на краю дороги, под чистым небом, сплошь золотым, в необычайной горной стране. Я чувствовал, не глядя, глянец, углы и грани громадных мозаичных скал, и ослепительные пропасти, и зеркальное сверканье многих озер, лежащих где-то внизу, за мною. Душа была схвачена ощущением божественной разноцветности, воли и вышины: я знал, что я в раю. Но в моей земной душе острым пламенем стояла единая земная мысль, — и как ревниво, как сурово охранял я ее от дыханья исполинской красоты, окружившей меня... Эта мысль, это голое пламя страдания, была мысль о земной моей родине: босой и нищий, на краю горной дороги я ждал небожителей, милосердных и лучезарных, — и ветер, как предчувствие чуда, играл в моих волосах, хрустальным гулом наполнял ущелья, волновал сказочные шелка деревьев, цветущих между скал, вдоль дороги; вверх по стволам взлизывали длинные травы, словно языки огня; крупные цветы плавно срывались с блестящих ветвей и, как летучие чаши, до краев налитые солнцем, скользили по воздуху, раздувая прозрачные, выпуклые лепестки; запах их, сырой и сладкий, напоминал мне все лучшее, что изведаль я в жизни.

И внезапно дорога, на которой я стоял, задыхаясь от блеска, наполнилась бурей крыл... Толпой вырастая из каких-то ослепительных провалов, шли жданные ангелы, углом подняв сложенные крылья. Их поступь казалась воздушной, словно движение цветных облаков, прозрачные лики были недвижны, только восторженно дрожали лучистые ресницы. Между ними парили бирюзовые птицы, заливаясь счастливым девическим смехом, и скакали гибкие оранжевые звери в причудливых черных крапах: извивались они в воздухе, беспшумно выбрасывали атласные

лапы, ловили летящие цветы, — и кружась, и взвиваясь, и сияя глазами, проносились мимо меня...

Крылья, крылья, крылья! Как передам изгибы их и оттенки? Все они были мощные и мягкие — рыжие, багряные, густо-синие, бархатно-черные с огненной пылью на круглых концах изогнутых перьев. Стремительно стояли эти крутые тучи над светящимися плечами ангелов; иной из них, в каком-то дивном порыве, будто не в силах сдержать блаженства, внезапно, на одно мгновение, распахивал свою крылатую красоту, и это было как всплеск солнца, как сверканье миллионов глаз.

Толпы их проходили, взирая ввысь. Я видел: очи их — ликующие бездны, в их очах — замиранье полета. Шли они плавной поступью, осыпаясь цветами. Цветы проливали на лету свой влажный блеск; играли, крутятся и взвиваясь, яркие гладкие звери; блаженно звенели птицы, взмывая и опускаясь, — а я, ослепленный, трясущийся нищий, стоял на краю дороги, и в моей нищей душе все та же лепетала мысль: взмолиться бы, взмолиться к ним, рассказать, ах, рассказать, что на прекраснейшей из божьих звезд есть страна — моя страна, — умирающая в тяжких мороках. Я чувствовал, что, захвати я в горсть хоть один дрожащий отблеск, я принес бы в мою страну такую радость, что мгновенно озарились бы, закружились людские души под плеск и хруст воскресшей весны, под золотой гром проснувшихся храмов...

И, вытянув дрожащие руки, стараясь преградить ангелам путь, я стал хвататься за края их ярких риз, за волнистую, жаркую бахрому изогнутых перьев, скользящих сквозь пальцы мои, как пушистые цветы; я стона<л>, я метался, я в исступленье вымаливал подаянье, но ангелы шли вперед и вперед, не замечая меня, обратив ввысь точеные лики. Стремились их сонмы на райский праздник, в нестерпимо сияющий просвет, где клубилось и дышало Божество: о нем я не смел помыслить. Я видел огненные паутины, брызги, узоры на гигантских, рдяных, рыжих, фиолетовых крыльях<х>, — и надо мной проходили волны пушистого шелеста, шныряли бирюзовые птицы в радужных венцах, плыли цветы, срываясь с блестящих ветвей... «Стои, выслушай меня», — кричал я, пытаюсь обнять легкие ангельские ноги, — но их ступни — неощутимые, неудержимые — скользили через мои протянутые руки, и края широких крыл, вея мимо, только опаляли мне губы. И вдали золотой просвет

между сочно и четко расцвеченных скал заполнялся их плещущей бурей; уходили они, уходили, замирал высокий взволнованный смех райских птиц, перестали слетать цветы с деревьев; я ослабел, затих...

И тогда случилось чудо: отстал один из последних ангелов, и обернулся, и тихо приблизился ко мне. Я увидел его глубокие, пристальные алмазные очи под стремительными дугами бровей. На ребрах раскинутых крыл мерцал как будто иней, а сами крылья были серые, неопишемого оттенка серого, — и каждое перо оканчивалось серебристым серпом. Лик его, очерк чуть улыбающихся губ и прямого, чистого лба напоминал мне черты, виденные на земле. Казалось, слились в единый чудесный лик изгибы, лучи и прелесть всех любимых мною лиц, — черты людей, давно ушедших от меня. Казалось, все те знакомые звуки, что отдельно касались слуха моего, — ныне заключены в единый совершенный напев.

Он подошел ко мне, он улыбался, я не мог смотреть на него. Но, взглянув на его ноги, я заметил сетку голубых жилок на ступне и одну бледную родинку, — и по этим жилкам, и по этому пятнышку я понял, что он еще не совсем отвернулся от земли, что он может понять мою молитву.

И тогда, склонив голову, прижав обожженные, яркой глиной испачканные ладони к ослепленным глазам, я стал рассказывать свою скорбь. Хотелось мне объяснить, как прекрасна моя страна и как страшен ее черный обморок, но нужных слов я не находил. Торопясь и повторяясь, я лепетал все о каких-то мелочах, о каком-то сгоревшем доме, где некогда солнечный лоск половиц отражался в наклонном зеркале, — о старых книгах и старых липах лепетал я, о безделушках, о первых моих стихах в кобальтовой школьной тетради, о каком-то сером валуне, обросшем дикой малиной посреди поля, полного скабиоз и ромашек, — но самое главное я никак высказать не мог, — путался я, осекался, и начинал сызнова, и опять беспомощной скороговоркой рассказывал о комнатах в прохладной и звонкой усадьбе, о липах, о первой любви, о <ш>мелях, спящих на скабиозах... Казалось мне, что вот сейчас-сейчас дойду до самого главного, объясню все горе моей родины, — но почему-то я мог вспомнить только о вещах маленьких, совсем земных, не умеющих ни говорить, ни плакать теми крупными, жгучими, страшными слезами, о которых я хотел и не мог рассказать...

Замолк я, поднял голову. Ангел с тихой внимательной улыбкой неподвижно смотрел на меня своими продолговатыми алмазными очами — и я почувствовал, что понимает он все.

— Прости меня, — воскликнул я, робко целуя родинку на светлой ступне, — прости, что я только умею говорить о мимолетном, о малом. Но ты ведь понимаешь... Милосердный, серый ангел, ответь же мне, помоги, скажи мне, что спасет мою страну?

И, на мгновенье обняв плечи мои голубиными своими крылами, ангел молвил единственное слово, — и в голосе его я узнал все любимые, все смолкнувшие голоса. Слово, сказанное им, было так прекрасно, что я со вздохом закрыл глаза и еще ниже опустил голову. Пролилось оно благовоньем и звоном по всем жилам моим, солнцем встало в мозгу — и бессчетные ущелья моего сознания подхватили, повторили райский сияющий звук. Я наполнился им; тонким, тугим узлом билось оно в виску, влагой дрожало на ресницах, сладким холодом веяло сквозь волосы, божественным жаром обдавало сердце.

Я крикнул его, наслаждаясь каждым слогом, я порывисто вскинул глаза в лучистых радугах счастливых слез...

Господи! Зимний рассвет зеленеет в окне, и я не помню, что крикнул...